

С. С. ЛУКЬЯНОВ

Революция и власть

<Фрагменты>

В русском интеллигентском сознании к концу дореволюционного периода русской истории сложилось своеобразно-наивное представление о власти, в значительной степени поддержанное своеобразием — на этот раз уже не наивным — самодержавной или лжеконституционной власти последних Романовых. Русские либеральные круги склонны были, с одной стороны, переоценивать значение традиции и «штыков», а с другой — недооценивать значение *социальной базы* в вопросе об условиях *прочности* государственной власти. Этим в значительной степени объясняется не только неумение построить власть в первый период русской революции, но и — что более трагично — неумение до сих пор правильно понять и оценить историческое значение нынешней советской власти. Чем, как не наивностью, можно объяснить все те горячие споры, которые в 1917 году возникали вокруг вопроса о диктатуре Керенского? Неужели для споривших было неясно, что каким бы словом ни прикрывалось безвластие Временного правительства, все равно дальше слов о власти эта власть идти не в состоянии? И чем, как не наивностью, можно извинить не заглохшие и по сие время рассуждения на тему о «кучке негодяев», захвативших и удерживающих власть при помощи так или иначе купленных китайских и латышских штыков? Даже и переход от ссылок на китайские и латышские штыки к ссылкам на террор, для исчерпывающего объяснения «прочности большевиков», ничуть не подвигает вперед разрешение проблемы. Во всей своей исторической значительности встает тогда другой вопрос: *как же оказалось возможным организовать самый террор?* Ведь и для его организации одних слов и купленных штыков недостаточно. Всплывают соображения о «демагогическом обмане», о «социальной иллюзии»... Не правильнее ли, однако, бу-

дет говорить об исторической необходимости, о некоей социальной правде, хотя бы реально и неосуществимой?

Переживаемую Великую Революцию принято сравнивать со Смутным временем XVI–XVII веков. Сравнение законное и во многих отношениях плодотворное. Необходимо только при этом сравнении помнить, что хотя и не о словах спор — не нынешняя Революция является смутой, а напротив, Смута XVII века была революцией, и притом революцией творческой. А затем, при том же сравнении, было бы ошибочно забывать о золотом правиле «*mutatis mutandis*»² сопоставлять не случайные исторические формы смуты с отдельными сторонами переживаемой Революции и постараться извлечь из истории правильный социологический подход к современности. В XVI веке происходит быстрая дифференциация населения России, к которой неуклонно вели политические, как внутренние, так и внешние, и экономические условия русской жизни. Совершенно исключительная роль в этом расслоении принадлежит мобилизации всех ресурсов страны на оборону ее национальной независимости. В результате расслоения к концу XVI века получилось три взаимно борющихся основных элемента, различно затронутых процессом и неравноценных в отношении стоявших перед государством в его целом задач: значительно пострадавшее и поредевшее боярство со включением «княжат» и монастырей, — многочисленное, но далеко еще не сорганизованное «служилое сословие» с близким к нему тяглым посадским населением, — и наиболее многочисленное, но и наименее объединенное, хотя и весьма активное, особенно в лице казачества, полукрепостное, полукабальное крестьянство.

<...>

Крушение уже давно покоившейся на традиции и штыках самодержавной власти и та легкость, с которой это крушение произошло в момент максимального напряжения сил государства, показали с несокрушимою убедительностью, что самодержавие и вовлеченные им в дело государственного строительства элементы недостаточны для проведения в жизнь задач, выпавших на долю России, что необходимо создать власть на более широкой общественной базе, которая бы соответствовала политическим, внешним и внутренним, социальным и экономическим условиям русской жизни. В поисках этой «более широкой базы», в поисках наивных и нелепо веденных, металась русская жизнь с февраля по октябрь 1917 года. За это время во всей своей трагичности обнаружился тот гипноз, под воздействием которого развивалась русская общественность в дореволюционный период, вся та нереальность русского политического мышления,

которая до сегодняшнего дня так поражает всякого сколько-нибудь внимательного наблюдателя, волею судьбы перенесенного из России в Париж, центр русской эмиграции, с его «новой тактикой» кучки парижских кадет и атактичностью, граничащей с полной прострацией, «Национального съезда»³. Первые претензии на власть в феврале 1917 года были, естественно, заявлены со стороны тех элементов, которые уже в дореволюционное время готовы были настаивать на необходимости ограничения в свою пользу самодержавной власти и с которыми эта власть готова была играть в политику и даже конституционализм. Русское самодержавие, хотя и по другим основаниям, подобно Великому Московскому княжеству и царству, крепко держалось за полноту своей власти, отлично понимая, что конституционная поддержка его со стороны изжитой социальной базы не только не укрепит, но лишь ускорит его падение. Для повторения же смелой попытки Ивана Грозного⁴ — перестроить свою власть на новых началах — не находилось на престоле пригодного человека.

Бессилие самодержавной власти найти выход из тупика социально-экономических условий русской жизни в XIX — отчасти уже в XVIII — и в начале XX века возникло главным образом в результате того, что *поддержка* власти ее социальной базой сменилась полной *зависимостью* власти от классовых интересов базы, оказавшихся к тому же в резком противоречии с интересами государства. Этой зависимостью власти объясняются неудачи отдельных ее представителей сначала создать условия возможного расширения своей базы, а затем и помочь сложиться самой базе. Я имею в виду проникнутую двойственностью, неискренностью крестьянскую политику самодержавия, с ее погугами на «радикализм», неизменно разбивавшийся о помещичью оппозицию, с ее ставками на выдуманного мужика и столыпинского хуторянина.

Таким образом, выдвинутое февральским *переворотом* Временное правительство повисло в воздухе. Связанное в смысле своей социальной базы с отжившими и недостаточными по сравнению с возлагавшимися на Россию задачами элементами русского населения, оно неизбежно должно было быть реакционным, тогда как отдельные его члены, понимавшие необходимость «более широкой базы», реально были бессильны что бы то ни было сделать, ибо традиция и старые штыки — единственная основа власти, если не считать «уговаривания» — с одной стороны, и отсутствие ясного сознания и организации в крестьянстве этом неоспоримом фундаменте всякой отныне власти в России — с другой, не могли позволить им порвать начисто с реакцией. Трудность положения и его понимания заключалась именно

и том, что *не было вполне готовой, реально ощутимой и сколько-нибудь организованной социальной базы*. Кому же в то время могло прийти в голову, что из отрицателей «войны до победного конца», из проповедников крайнего интернационализма, из людей, призывавших сначала к стопроцентному обложению, а затем и к полному уничтожению буржуазии, что из этих элементов, казалось бы, насквозь антигосударственных и антинациональных, может сложиться подлинная основа будущей русской глубоко государственной и вполне «национальной власти». Чтобы угадать в самодемобилюющей армии и в истрепанном войной городском пролетариате будущего державного властелина русской земли, нужно было: или обладать пророческой прозорливостью, или верить в немедленную осуществимость неосуществимых лозунгов; ведь трудно было предвидеть, что в процессе революции ход истории обяжет и русскую власть, и поддерживающие ее национальные силы, хотя бы во имя мировой революции и жажды немедленного установления абсолютной правды и справедливости на земле, строить в первую очередь русское государство, русскую нацию и возрождать в России экономическую жизнь.

Но ни пророческой прозорливости, ни жертвенного служения исторически неизбежному у Временного правительства не было. Все его психической настроенности была гораздо ближе игра в политику, в которой так называемые «центральные комитеты», «лидеры» и прочая политическая мистика должны были заменить реальные социальные, политические и экономические силы. Членам Временного правительства всех окрасок и всех составов казалось, что уход из правительства Милюкова⁵, включение в правительство представителей эсеров, правых и левых или меньшевиков имеют какое-то реальное значение. Все призывали к объединению «живых сил страны», не замечая ни того, что зовущие — мертвецы, ни того, что подлинные «живые силы страны» мобилизуются тем временем для устранения со своего пути мертвецов. В сменявшихся правительственных комбинациях, в созывающихся предпарламентах и московских совещаниях призраки говорили призрачные слова и организовывали либо дезорганизовывали призрачные коалиции, искренно веря, что только «объединение социалистических элементов с несоциалистическими» или, напротив, их полное обособление спасут положение. А сколько пламенных слов было потрачено на то, чтобы защитить или отбросить «диктатуру» Керенского, диктатуру, которая в лучшем случае могла бы лишь резче подчеркнуть всю призрачность его власти.

Временное правительство 1917 года *mutatis mutandis* может быть сопоставлено с эпохой Лжедмитрия I⁶ и царя Василия Шуйского⁷.

Бессильные реакционные — в историческом смысле этого слова, а не в смысле большего или меньшего либерализма, который в некоторые моменты истории оказывается поистине реакционным, — элементы подготовили почву как для Лжедмитрия, так и для Временного правительства, тогда как занятие одним московского престола, другим — сначала Таврического, а потом и Зимнего дворца оказалось возможным только благодаря поддержке «воров». Однако задачи, стоявшие перед властью в начале XVII века и в наши дни, были неоднородны по существу, хотя формально они и совпадали. Тогда как в XVII веке подлинной основой власти могло стать лишь служилое и тяглое сословие, в XX веке эту базу необходимо было искать в крестьянстве и пролетариате. Затем, в XVII веке между служилым и тяглым сословиями не существовало, ввиду возможности примирить их экономические интересы, принципиального расхождения, тогда как в XX веке интересы крестьянства и пролетариата законно могли казаться противоположными и реально, и принципиально. Далее, в XVII веке служилые и тяглые люди, благодаря своему культурному уровню и экономическим возможностям, были в состоянии выдвинуть вождей из своей среды и сравнительно легко осознать свое место в государстве; между тем крестьянство и пролетариат в XX веке нуждались в вождях со стороны, чтобы осуществить свои чаяния и в процессе революции проверить степень приемлемости тех или иных лозунгов, которые выдвигались партиями, претендовавшими на роль руководителей русской жизни. Наконец, в XVII веке будущий руководящий класс был достаточно подготовлен еще в прежнее время к делу государственного строительства, тогда как в XX веке между будущим хозяином русской земли и теми элементами, которые ему суждено было устранить со своего пути, лежала пропасть. Словом, все как будто говорило за то, чтобы «народные массы» XX века были устранены от государственного строительства, чтобы культурная и либеральная власть приняла на себя заботы о постепенном, путем закономерных реформ, поднятии культурного уровня крестьянства и, только совершенно перевоспитав его, передала ему власть. Но именно в неустранимости крестьянства и пролетариата лежит глубочайшее различие между современной Революцией и прошлой Смутой. «Вор XX века», а на деле подлинный строитель русского будущего, не пожелал устраниться и тем разбил в черепки идиллические постройки политических Маниловых⁸, мечтавших о внеклассовой, т. е. висящей в воздухе власти, или о лжеклассовой власти, т. е. желающей опираться на класс, но говорящей на чуждом этому классу правовом и экономическом языке; а заодно он же,

так называемый вор и хам, убил всякую возможность реакционной власти, в объятия которой неудержимо стремились бы как висящие в воздухе Маниловы, так и говорящие по-ученому эсеры и умеренные социалисты, — убил, ибо, сам того не замечая, из «вора» превратился в мощного хозяина своей земли, научившегося на опыте отстаивать ее от своих внутренних и внешних врагов и понявшего свое место в государстве, которого отныне никому, будь то сам Русский совет в Константинополе⁹, или Учредительное Собрание в Париже¹⁰, или комитет партии социалистов-революционеров в Праге, или еще что-нибудь в Берлине, не отдаст.

Обвинять Временное правительство в том, что оно не сумело понять создавшегося, вследствие отсутствия ясной и одинаково для всех приемлемой социальной базы, положения не приходится. От людей нельзя требовать пророческого прозрения, вступить же на другой, указанный выше, путь — поверить в возможность немедленного установления рабоче-крестьянской власти — ни один из членов правительства органически не мог. К тому же установление этой власти неизбежно предполагало такое временное погружение в мрак бесправия, крови и разрушения материальных и культурных ценностей, что пойти по этому пути могли лишь железные люди, твердо верящие не только в установление временной рабоче-крестьянской власти, но и в осуществление подлинного счастья всего человечества, по самой своей «профессии» революционеры, не боящиеся вызвать к жизни всепожирающий бунтарский дух, люди, для которых их цель — пересоздание всего человечества — действительно, а не на словах только оправдывает все средства.

Но, быть может, все-таки были правы те члены Временного правительства и поддерживавшие их группы, которые надеялись, что временно власть в состоянии удержаться «на доверии», что «массы» подождут с выполнением своих требований и что, наконец, съехавшееся Учредительное Собрание сумеет основать Власть Всероссийскую, покоящуюся на авторитете всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. Позорный провал Учредительного Собрания, реальный и моральный, должен был, казалось, открыть глаза даже самым неисправимым мечтателям-оптимистам на подлинный лик революции и ее власти. И если тогда, в момент крушения иллюзий, неумение оценить события во всей их мощной значительности было понятно, то совершенно непростительно нежелание — иначе этого назвать нельзя — объективно осознать политический, социальный и экономический смысл исторического процесса, приведшего к этому крушению, теперь, через три с половиною года после октябрьской революции.

Повторяю, в 1917 году реально ощутимой социальной базы для утверждения на ней власти, которая сумела бы провести в жизнь чаяния русского народа и отстоять их от неизбежных нападений извне и изнутри, *не было*. Материалом для нее должны были послужить крестьянство и пролетариат, ибо мировая война показала, что только привлечение к государственной работе этого бесспорного большинства русского народа может обеспечить национальное существование России. Будь крестьянство в момент революции сознательным, организованным и активным социальным элементом — построение чисто крестьянской власти оказалось бы делом возможным, даже сравнительно легким. Однако самодержавие позаботилось, чтобы это было не так.

Социально-экономическое и культурное состояние русского крестьянства в 1917 году допускало теоретически два пути построения на нем, как на своей базе, власти: первый, не выдержавший исторической проверки, путь может быть кратко формулирован следующим образом: сначала успокоение, потом реформы и в результате — крестьянская Россия и ее власть. Этот путь предполагал бы «благожелательную» буржуазную, правовую и «культурную» власть, искренно стремящуюся осуществить «законные требования народа»; затем не менее «искренний» отказ помещиков от своего привилегированного социального и экономического положения и, наконец, сентиментальное доверие русского мужичка к трогательным обещаниям его векового классового врага. Всем этим я отнюдь не хочу сказать, что не верю в искренность отдельных представителей русской интеллигенции, охотно соглашавшихся наделить крестьян землей и привлечь их к делу государственного строительства. Думаю, однако, что история Белых движений с достаточной наглядностью показала все бессилие русской интеллигенции в проведении ею своих точек зрения при ее работе в союзе, а следовательно, в военной и экономической зависимости от земельной и промышленной буржуазии. Первый путь неизбежно, таким образом, приводил к социальной, а за нею и политической реставрации; другими словами, это был путь контрреволюционный и, поскольку революция 1917 года была исторически неизбежна, неосуществимый.

Оставался второй путь, который в противоположность первому можно было бы охарактеризовать словами: сначала реформы, потом успокоение. Но что понимать под «реформами»? Вот тот роковой вопрос, при ответе на который, практическом и теоретическом, провалились все без исключения правительственные партии, начиная с партии Народной Свободы¹¹ и кончая полулевыми

социал-революционерами¹² и меньшевиками¹³. Все они, в большей или меньшей мере, рассуждали примерно следующим образом: реформы необходимы, но они не должны ослаблять экономической, финансовой и военной мощи страны и разрушать, хотя и чуждые большинству народа, культурные и правовые ценности. Вот в этой осторожности политических деятелей первой половины 1917 года и была их величайшая, непростительная ошибка, их преступление перед Революцией, а следовательно, перед Россией. Эти люди не понимали, что социальное, экономическое и политическое пересоздание России предполагает выход на поверхность государственной жизни тех социальных элементов, которые в отношении своих культурно-правовых и государственных представлений живут в далеком, отнюдь не прекрасном прошлом, что эти элементы могут выполнить выпавшую на их долю роль социальной базы лишь при условии, что им будут понятны и близки как далекие цели и идеалы власти, так и ближайшие, конкретные ее задачи. Скажу прямо: в условиях русской жизни 1917 года, при отсутствии вполне четко сложившейся и организовано построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только «массы», сознательно сплоченные *демагогическими* лозунгами: не определенный класс, а именно «массы». Захват этими «массами» в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию. С этого момента уже стали возможны реформы, то есть эволюция власти и поддерживающих ее новых социальных слоев. Однако колесо истории не возвращает новых людей на абсолютно прежнюю точку развития, ибо с каждым новым социальным элементом в мир приходят и новые экономические и идеологические формы.

Выше я сказал: не определенный класс, а «массы». Каков же неизбежно был социальный характер тех «масс», которые могли и должны были быть использованы в 1917 году для построения власти? Ответ на этот вопрос отчасти уже дан: это прежде всего крестьянство и его организованный выразитель — старая армия. Был ли, однако, этот элемент — я говорю пока об армии — достаточен? Уверен, что нет. Опираясь на деморализованную, жадно стремящуюся разойтись по домам, бесконечно усталую, сознательно не доверяющую начальникам, проникнутую ненавистью к государству как причине мучительной войны солдатскую массу, в лучшем случае можно было захватить власть, подчинившись ее анархическим лозунгам и прежде всего предоставив ей демобилизоваться, т. е. самоупраздниться в качестве опоры власти. Характерно, что все попытки Временного правительства реформировать царскую армию не приводили ни к чему: армия ждала

не реформ, а демобилизации. Эта армия могла быть только распущена, после чего на совершенно уже иных началах и во имя иных целей могла быть организована новая армия, подлинная охранительница Революции и России, нового «социалистического» отечества. Что касается рассыпанной по деревням крестьянской массы, то и она могла сыграть роль, прежде всего в самый момент Революции и в течение ближайшего времени, конечно, при условии, что революционная власть выбросит лозунги, хотя бы и более широкие, чем какие были нужны крестьянству, но в которые с легкостью могли бы уложиться конкретные его чаяния. Однако в дальнейшем опорой власти крестьянство могло бы служить лишь при двух условиях: во-первых, при условии образования новой, питаемой крестьянскими элементами армии — но создание такой армии требует времени — и, во-вторых, при условии скорее пассивной поддержки со стороны сидящего по домам крестьянства, организованного в местную власть — но на одном пассивном сочувствии и новая власть в борьбе с отжившими элементами держаться не может; к тому же организация местной власти требует столько же, если не больше, времени, как и создание армии.

Все сказанное о крестьянстве показывает, почему участие в создании революционной власти однородной крестьянской массы было недостаточно и почему необходимо было привлечь к этому делу еще и другой элемент — городской, психологическая близость которого к крестьянству, с одной стороны, и далеко не такая сильная, как на Западе, экономическая его выделенность и противоположность крестьянству, с другой, делали союз этого последнего с городским пролетариатом естественным, а исторические условия — необходимыми.

Пострадавший во время войны пролетариат к 1917 году представлял собою не столько класс с явным классовым сознанием, сколько революционные, докрасна накаленные массы, использование которых в деле построения революционной власти было возможно лишь при такой правительственной программе, которая своими широкими обещаниями давала бы немедленное удовлетворение материальным запросам рабочих, а своими лозунгами мирового братства, правды и справедливости в наглядно понятных для рабочего формах возвышала бы его до творца будущего счастья человечества и тем самым оправдывала бы перед ним самим кипевшую в нем ненависть к буржуазии.

Нет надобности долго останавливаться на причинах, делавших городские пролетарские массы не только пригодными для установления революционной власти в октябре 1917 года, но и достаточно сильными для того, чтобы обеспечить раз сорганизовавшейся власти прочное положение. Самый факт длительного существования совет-

ской власти показывает с достаточной наглядностью, а для не потерявших окончательно историческое чутье и убедительностью, что выбор социальной базы для революционной власти в октябре 1917 года был значительно более удачен, чем все попытки ее нахождения, делавшиеся с февраля по октябрь того же года. Правда, внутренние противоречия между деревней и городом на протяжении последних лет нередко ставили советскую власть в очень трудные положения; но это же заставило власть быть значительно более гибкой и способной к тактической эволюции и принудило ее озаботиться охраной города с его интеллектуальной и художественной культурой.

Анализ русской жизни, как она сложилась к революции 1917 года, показывает, что создание революционной власти было в то время возможно при соблюдении следующих условий:

1. Носителем власти могло быть лишь правительство, образованное из экстремистских — прежде всего в психологическом и тактическом отношениях — элементов.

2. Двигателями революции были, а следовательно, социальной базой для вышедшей из революции власти могли быть лишь сельские (крестьянские) и городские (пролетарские) массы, а не один какой-нибудь класс.

Нетрудно видеть, что оба поставленные условия были осуществлены большевиками при создании ими в октябре 1917 года рабоче-крестьянской власти. Однако одними обстоятельствами русской жизни нельзя еще объяснить исторической необходимости прихода к власти именно крайней социалистической, вскоре переименовавшей себя в коммунистическую партии. Объяснение тому, что в России у власти оказались именно коммунисты, а не новый Тушинский вор¹⁴, Стенька Разин¹⁵ или Пугачев¹⁶, надо искать в общих условиях мировой жизни, в экономической, социальной и культурной обстановке, сложившейся во всем мире к началу XX столетия.

В оценку этой обстановки я входить здесь не буду. Скажу лишь, что современный экстремизм с подлинно революционным пафосом и волей неизбежно выливается в формы социалистической, resp.¹⁷ коммунистической, идеологии. Не случайность, таким образом, что и русский экстремизм, носящий, конечно, и специфически русские национальные черты, выдвинул коммунистические идеалы.

Основным условием для того, чтобы любая революция дала в итоге благоприятные для национального прогресса результаты, является построение в ходе революционного процесса прочной социальной базы, будущей государственности и олицетворяющей ее власти. Только при условии органической связности господствующих — в смысле

их соответствия политическим и экономическим задачам данного исторического периода в жизни народа — элементов населения с властью можно спокойно взирать на неизбежные временные неудачи и колебания революционной власти. Наличие подобной связи, с одной стороны, и исторически реальная прочность самой базы — с другой, могут гарантировать революцию от всяких попыток реставрации, с какою бы настойчивостью они ни проводились.

Удалась ли эта задача советской власти?

«Массы», выдвинувшие в лице народных комиссаров своих, по выражению Луначарского¹⁸, приказчиков, не могли без дальних слов служить базой новой России. Увлекавшие эти массы лозунги немедленного воплощения социальной правды на земле установили прочное сотрудничество «масс» с новой властью. Срок этого сотрудничества оказался достаточным для того, чтобы советская власть успела не только овладеть положением и реорганизовать аппарат управления, но и создать себе прекрасную опору в лице сильной Красной армии. Чрезвычайные трудности, с которыми приходилось бороться советской власти как в области экономической разрухи, так и в чисто политической сфере, усугубились тем, что нередко в самой своей базе власть встречала глубокое непонимание своих мероприятий: вместо сознательной поддержки своего правительства крестьяне и рабочие ставили его иногда в исключительно затруднительные положения. Только потрясавшие народную душу неожиданности, связанные с появлением «белых» властей, превращали, в огромном большинстве случаев, инстинктивное сочувствие к советской власти со стороны масс в сознательную и активную поддержку ее. При этих условиях оказывалась необходимой суровая диктатура, о которой мечтали и при Временном правительстве, но которую установить оказались в силах лишь большевики.

Так называемая диктатура пролетариата и насилие, принявшее в определенный момент исторического процесса неизбежный, но от того не менее ужасный характер террора, необходимые в период сложения и организации новой базы государственной жизни и власти, неизбежно видоизменяются, по мере ее, т. е. базы, укрепления; многочисленные данные указывают на то, что за последнее время в этом отношении в России происходит значительная эволюция.

Параллельно с этим наметился и другой характерный в том же смысле процесс: постепенный отказ масс от немедленного осуществления прекрасных, но, увы, непосильных идеалов. То и другое, доказывая образование на худой конец лишь психологических предпосылок, обеспечивающих в близком будущем сложение реальной базы

русской государственности, неизбежно отражается не на идеологии, конечно, а на тактике советской власти, вынужденной считаться, чем дальше, тем больше, с реальным заявлением складывающихся в России новых социальных и экономических отношений. Указание Ленина на «фантазерство» тех, кто до сих пор говорит о немедленном коммунизме, изменения в области экономической (в частности, земельной) политики советской власти, отклонения от первоначальной линии поведения в вопросах рабочей политики и судебной практики и многое другое, — словом, так называемая «эволюция большевиков», столь раздражающая их противников из квазиортодоксального социалистического лагеря, объясняется просто тем, что аналогичная эволюция происходит в массах по мере превращения их в подлинную социальную базу революционно-эволюционной власти. Наконец, успехи Красной армии в борьбе с Белым движением равным образом были бы необъяснимы, если бы мы попытались доказать, что крестьянство в массе не предпочитает *свою* власть Советов власти «контрреволюционной», возглавляемой генералами, руководимой так называемыми либеральными, а иногда и «социалистическими» интеллигентскими кругами и опирающейся — и в этом корень зла — на отжившие элементы старой социальной базы.

Все приведенные соображения позволяют утверждать, что, по крайней мере, в области народной психологии достигнуты положительные с точки зрения закрепления революционных завоеваний результаты и что в то же время между властью и поддерживающими ее элементами населения установлено живое взаимодействие, естественно, временами нарушаемое, иногда по вине власти, в случае ее тактических или идеологических ошибок, иногда по вине населения, в случае недостаточного понимания им стоящих перед ним и властью общегосударственных задач.

Не убоившись «вора XX столетия», неуклонно стремясь вызвать его к самодеятельности, советская власть постепенно, путем вовлечения крестьянства в дело государственного управления и строительства, преображает «вора» в распорядителя судьбами России. Не ее вина, что при этом процессе нередко психология его лишь с трудом поддается этатизации, но уже и достигнутые в этом отношении за три с половиной года результаты прямо ошеломляют. Начав с решительного отрицания государства, пролетариат и крестьянство уже теперь отлично сознают, что в современных условиях как государство, так и государственная власть необходимы, и к тому же непосредственно связаны в своей жизни с жизнью каждого в отдельности гражданина. Воистину мы, сами того не замечая,

присутствуем при рождении подлинного русского гражданства и неразрывно связанного с ним Русского Государства. Начав с ни к чему не обязывающих, хотя, как потом выяснилось, давших положительные всходы в деле отстаивания русских национальных интересов в международных отношениях, интернационалистических, плохо к тому же понимаемых лозунгов, рабочие и крестьяне не только убедились на опыте в экономической необходимости единства России, не только нашли экономическую базу для расширенного до общерусских пределов патриотизма в отстаивании прежде всего своих революционных завоеваний, своей власти и своего «социалистического отечества», но и прониклись национальным сознанием высокого русского подвига, несущего, хотелось бы верить, освобождение угнетенным всего мира. Начав с признания в области экономических отношений одного только момента распределения, рабочие путем длительного опыта убедились в решающем значении для поднятия общего благополучия момента созидания ценностей. Начав, наконец, с исторически оправдываемого непонимания и потому отрицания интеллигенции, и прежде всего буржуазии, в деле экономического государственного и культурного строительства, пролетариат понял, что как интеллигенция, так и буржуазия не только не страшны для народа-победителя, но и должны быть и могут быть использованы в интересах самого народа.

Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России за время революции — вот то неоспоримое и бесконечно ценное, что уже дала нам Великая Русская Революция, построившая в мучительном процессе своего творчества мощную социальную базу Новой России.

«Все это, может быть, и так, — возразят мне, — но не слишком ли дорогою ценою куплено будущее, к тому же еще проблематическое, благо России?» Охотнее всего в ответ на подобное утверждение я бы указал, что история, к несчастью, не знает ни слишком дорогих, ни слишком дешевых цен; точно так же, как в отношении к ней бессодержателен вопрос: могло ли быть иначе? Что же касается Русской Революции, то она неизбежно должна была принять экстремистский характер, который, в свою очередь, с такою же необходимостью должен был найти свое возглавление в лице русского большевизма. Русская Революция не могла не сопровождаться огромными жертвами как в людях, так и в культурных ценностях. Не будь социалистов-большевиков, русская революционная стихия вызвала бы к жизни нечто гораздо более страшное, страшное не убийством и грабежом, а страшное прежде всего тем, что грози-

ло бы вырождением революции в анархию и бунт с их неизбежным заключением — реставрацией-смертью.

Вот почему как бы проблематичны ни казались кому-нибудь положительные результаты Русской Революции, как бы ни были велики жертвы русского народа, именно во имя этих великих жертв и того, чтобы они не оказались напрасными, а положительные их результаты — потопленными в анархии, во имя пролитой русской крови — необходимо без предвзятости, с возможным хладнокровием вдуматься в великие русские события и честно протянуть руку помощи Родине, вынужденной историческими условиями искать своего спасения и возрождения такими путями, которые могут и не быть по душе целым категориям его граждан.

